

ненные названия его отдельных частей: Эгейское море, Критское море, море Ио, Египетское море, Ливийское море. Римляне же, завоевав все побережье этого моря, подчеркивая значимость своих побед, присваивают ему имя *Mare Nostrum* 'Наше море' или *Mare Internum* 'Внутреннее море'. Другими словами, несмотря на огромное пространство завоеванных территорий, они мысленно размещают его внутри своей среды, и, таким образом, воспринимают его как целостную совокупность, что и обуславливает необходимость дать обобщающее название. Современное и уже окончательное название сохраняет категориальный семантический признак целостности. Дальнейшее изменение его внешней формы (*la Méditerranée* 'Внутреннее, Средиземное море') продиктовано экстралингвистическими факторами: море не принадлежит уже только римлянам, а объединяет многочисленные народы, населяющие страны вдоль побережья после распада Римской империи, в одну территорию – Средиземноморье. Таким образом, в самой среде, сбалансированной с речемыслительными процессами познания и номинации, происходит нейтрализация структурных признаков частей и устанавливается референция к объектам большего масштаба.

Своеобразие семантики совокупности определяется активностью или самих группируемых предметов, или субъекта познания. Выявленная лингвогносеологическая сущность французских имен совокупностей обусловлена значимостью активной позиции субъекта познания для французской лингвокультуры. С возрастанием уровня обобщения перевод чувственного образа в собственно мыслительный сопровождается развитием внутренней формы обобщающих номинаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тронский, И. М. Общее индоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции) / И. М. Тронский. – Л. : Наука, 1967. – 104 с.
2. Аксаков, К. С. Опыт русской грамматики / К. С. Аксаков. – М. : Тип. Л. Степановой, 1860. – Ч. 1. Вып. 1. – 195 с.

Н. В. Дардыкова (Минск, Беларусь)

ФАЗОВАЯ СЕМАНТИКА В ГЛАГОЛЬНЫХ СИСТЕМАХ АНГЛИЙСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

В работе на основе сопоставления фазовых глагольных конструкций в английском и турецком языках анализируется взаимосвязь между аспектуальной семантикой глаголов в одном языке и способами ее передачи на другой язык.

Мы исходим из того, что фрагменты языковой картины мира отражаются в сочетаемости и семантической структуре глагольных единиц, а их

переводные эквиваленты позволяют экстраполировать эти различия. Материалом для анализа послужили английская трилогия С. Коллинз «Голодные игры», «И вспыхнет пламя», «Сойка-пересмешница» (S. Collins «The Hunger Games», «Catching fire», «The Mockingjay») и романы «Снег», «Музей невинности» и книга очерков и эссе «Другие цвета» турецкого писателя О. Памука (O. Pamuk «Kar», «Masumiyet Müzesi», «Öteki renkler»). Исходные тексты сравнивались с их переводами, выполненными одними и теми же переводчиками. Переводы английской трилогии на турецкий язык выполнил Т. Тафтаф, на английский язык – М. Фрили. Для анализа было отобрано 1940 контекстных употреблений.

Фаза начала в сопоставляемых языках наиболее частотна и составляет две трети выборки. В английском языке она представлена глаголами *to begin* ‘начинать’ и *to start* ‘начать’. В их семной структуре главным является значение приступа к действию, и это действие ранее не имело место. А. Фрид пишет, что семантическое различие между этими двумя глаголами состоит в том, что *to begin* указывает на наличие определенного периода, в течение которого действие начинает разворачиваться, а *to start* указывает на момент появления действия [1, p. 70–71]. В турецких эквивалентах, однако, это различие нивелируется и используется один глагол – *başlamak* ‘начинать’. В свою очередь, переводным эквивалентом *başlamak* преимущественно служит английский глагол *to begin*. Это может объясняться тем, что в семантике *to start* (при употреблении с инфинитивом), помимо начинательного значения, наблюдаются также модальные значения неудавшейся попытки и действия, которое не получило развития: *I started to fall and he caught me* ‘я начала падать, но он подхватил меня’. В данном примере модальное и фазовое значения являются в некоторой степени дополнительными друг к другу, но начинательность играет решающую роль. В турецком переводе, напротив, на передний план выносятся именно значение нереализованного действия: *düşüyordum da, beni son anda tuttu* ‘я чуть было не упала, но он подхватил меня’. В качестве средств перевода при выражении этого значения в турецком языке используются формы сложных времен (*-acaktı, -iyordu*) и глагольные конструкции *-maya yeltenmek* ‘пытаться (безуспешно)’, *-maya çalışmak* ‘пытаться’, *-maya girişmek* ‘приниматься’, *-maya koyulmak* ‘бросаться’. Последние два глагола (*girişmek* и *koyulmak*) выступают средствами выражения фазы начала и являются стилистическими и экспрессивными синонимами *başlamak*. В их семной структуре фазовое значение начала и модальное значение намеренности действия являются дополнительными по отношению друг к другу, что, вероятно, связано с самой ситуацией, так как в условиях, когда действие начинает человек, он обычно делает это намеренно. Как и в случаях с *to start*, в переводах этих глаголов на английский язык конструкции с модальным значением встречаются часто: *kitabın gizli mantığını bulmaya girişmiş* ‘он стремился показать скрытую логику книги’, *he labored to reveal <...> the hidden logic of this testament* ‘он старался показать скрытую логику этого завета’.

Серединная фаза в английском языке выражается конструкциями с глаголами *to keep* ‘продолжать’ и *to continue* ‘продолжить’, а в турецком языке – оборотами на *-Ip/-A- durmak* ‘продолжать’, *-Ip/ -A- kalmak* ‘продолжать’, *-Ip gitmek* ‘длиться’, *-Agelmek* ‘длиться’. Содержательное отличие продолженных форм в двух языках состоит в том, что с их помощью профилируются разные способы протекания действия. В английском языке актуализируется либо концепт границы, предела действия (значения ‘возобновление прерванного действия’ и ‘поддержание текущего действия’ в оборотах с *to continue*), либо маркируется наличие определенного акцента действия (значения повторяемости и настойчивости в семантике *to keep*). В турецком языке значение продолженности действия, заложенное в семной структуре вспомогательного глагола, вступает во взаимодействие с лексической семантикой полнозначного глагола. Полученные в результате конструкции обозначают вектор протекания действия: от прошлого к настоящему в оборотах на *-Ip/-A-gelmek* и от настоящего к будущему в случаях на *-Ip gitmek*. В другом варианте полученные конструкции приобретают особый лексический оттенок, например, значение оцепенения в том или ином физическом либо моральном состоянии у *-Ip/-A-kalmak*. Соответственно, при переводе морфологические средства часто передаются лексическими эквивалентами. Так, английскими эквивалентами *donakalmak* ‘замереть’ являются сочетания типа *to be paralyzed* ‘быть парализованным’, *frozen on face* ‘с застывшим лицом’, *to have fear and awe printed on face* ‘со следами страха и изумления на лице’. Исключение составляют только обороты с *to keep* и *-Ip/-A- durmak*, которые оба могут иметь значение повторяющегося действия.

Конструкции фазы конца являются редкими в обоих языках, а глаголы, составляющие их, акцентируют скорее не предельность действия, а его целостность: обороты с глаголами *to finish* ‘заканчивать’, *bitirmek* ‘заканчивать’, *çıkmak* ‘заканчивать, выходить’ обозначают завершение действия, приведение его к концу, а обороты с *to stop* ‘прекращать’ – прерывание начатого действия.

Таким образом, даже на нашем ограниченном материале видно, что фазовые глагольные конструкции в английском и турецком языках зачастую по-разному отображают протекание действия. Особенно ярко это различие проявляется в конструкциях, представляющих фазу продолженности. При этом конструкции фазы начала более частотны и семантически нейтральны, чем конструкции, представляющие другие фазы действия. Это может объясняться тем, что в обоих сопоставляемых языках они являются ведущими средствами выражения начинательности и, следовательно, составляют ядро соответствующей семантической категории. Глагольные конструкции, представляющие серединную и финитную фазы, конкурируют с регулярными морфологическими средствами выражения протяженности и законченности действия и придают определенный оттенок обозначаемому действию, что может обуславливать различия во фрагментах языковой картины мира у носителей английского и турецкого языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Freed, A. The semantics of English aspectual complementation / A. Freed. – Dordrecht, Boston : Reidel, 1979. – 172 p.*

В. С. Дегтярёва (Смоленск, Россия)

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ *ASCHENPUTTEL* В НЕМЕЦКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Как известно, термин *метафора* появился в Древней Греции. С того времени изучение этого феномена идет непрерывно, количество работ множится, но интерес к метафоре не ослабевает. В XX веке сущность данного явления стала объектом исследования различных областей знаний – лингвистики, философии, психологии и т.д. Тем не менее и по сей день многие его аспекты окончательно не изучены. Ср.: «Нельзя сказать, что теперь мы хорошо понимаем, что такое метафора» [1, с. 145].

В лингвистике особую роль в объяснении фактов действительности играет теория концептуальной метафоры, основоположниками которой являются Дж. Лакофф и М. Джонсон. По мнению ученых, в процессе метафоризации происходит «метафорическая проекция», т.е. «отображение элементов области источника в элементы области цели» [2, с. 32]. В настоящее время можно выделить целый ряд работ, в которых метафоризация исследуется на материале различных языков и типов дискурса, например, политического, экономического, рекламного, спортивного (см. публикации А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал, Е. Г. Малышевой, Р. В. Белютина и др.).

В качестве отдельного аспекта исследований принято рассматривать функционирование метафоры в медийном дискурсе, под которым мы понимаем все текстотипы печатных и электронных периодических изданий средств массовой информации. Излюбленным приемом «агентов» (по В. И. Карасику [3]) этого дискурса продолжает оставаться использование прецедентных событий, текстов, ситуаций, высказываний, имен. Как правило, журналисты, аналитики, политики, пиарщики используют прецедентные имена известных литературных героев, чтобы придать сообщению более эмоционально-экспрессивную окраску или «упростить» его для широкого круга реципиентов. Для таких прагматических целей часто «профилируются» (по Дж. Лакоффу [2]) прецедентные имена, относящиеся к сказочной литературе, так как сказочные персонажи, известные большинству читателей с детства, репрезентируют в наиболее яркой форме базовые категории человеческого бытия: «добро – зло», «хорошо – плохо» и т.д. «Prinzipiell ist jedes Märchen, so alt wie die Menschheit, und eben die zeitlose Gültigkeit der Märchen und Mythen versetzt sie in den Stand, zeitlos gültige Wahrheiten zu formulieren, die den Einsichten des Verstandes unendlich überlegen sind» [4, S. 6].